

Священник ведёт нас мимо передних колонн в самую дальнюю часть здания. Задняя стена покрыта барельефами, изображающими леса и людей, работающих в саду и играющих. Это выглядит очень мирно, хотя и пресно. Я считаю, у мамы лучший вкус в оформлении интерьера, хотя, возможно, её можно убедить попробовать какие-нибудь образы, которые не были бы такими мрачными и задумчивыми.

Мама обожает весь этот готический стиль.

Храм очень не такой. В нём сплошь широкие коридоры и белая плитка, идеально чистая и сверкающая.

Место красивое, и мне это действительно не нравится.

Я не знаю, что это, но в воздухе есть... что-то тяжелое. Может быть, это напоминает мне больницу. Какой бы красивой ни была комната ожидания, это всё равно комната ожидания. Но это место почему-то хуже, чем это. Горе, я полагаю. Печаль зашедшая ещё дальше и ставшая болезненной.

Здесь происходит много могущественной магии.

Одна из дверей в коридоре, по которому мы идем, открывается, и я слышу, как кто-то плачет, как будто ему ужасно больно.

— Не обращайтесь на это внимания, — говорит священник.

Феликс сжимает мою руку немного сильнее, и я думаю, что она уделяет всему этому много внимания. Я уверена в этом.

— Прямо сюда, — говорит наш гид, жестом приглашая нас в маленькую комнату. Она немного напоминает мне кабинет врача. Сзади есть маленькая кроватка, мягкая ткань на кровати немного выше, чем обычно. Рядом с ней стоит табурет, а по всей комнате расставлены полки со всевозможными таинственными вещами внутри.

Феликс делает паузу, затем указывает на койку.

— Туда? — спрашивает она.

— Именно, — говорит священник. — Я не тот, кто будет сегодня заниматься каким-либо исцелением. Сегодня мой день без горестей. Но я буду осматривать любые раны, которые ты, возможно, пожелаешь вылечить. А это значит, что мне придется их увидеть. Тебя это устраивает?

— Я могу остаться с ней, верно? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Конечно. Если она пожелает. У вас есть разрешение вашего опекуна находиться здесь? Это редкость, когда ребенок приходит без родителей.

— Мы уже достаточно взрослые, — говорю я, подавляя недовольство.

Я не думаю, что ему понравилось бы, если бы мама пришла посмотреть, как он работает.

— Хорошо. В таком случае, мисс: вы упомянули, что проблема была с вашим зрением?

Феликс кивает, затем протягивает руку вверх. Медленно, осторожно она разматывает ткань, обернутую вокруг её головы. Её волосы шевелятся, когда она снимает повязку с глаз. За её волосами явно никто никогда не ухаживал, и их подстригали ножом всякий раз, когда они становились слишком длинными, если бы я пыталась угадывать.

Она опускает руки с повязкой в руке и открывает глаза.

Только там нет глаз, только две уродливые впадины, с огрубевшей кожей по краям и уродливым розовато-красным оттенком сзади.

— Наклони голову вверх, — просит священник. Он нежно кладет руку на подбородок Феликс и откидывает её голову назад, в то время как другой рукой заставляет её глаза открыться немного шире. — Когда ты потеряла свои глаза и как?

— Эм, некоторое время назад. Я была маленькой. И я не знаю как. Они начали болеть, а потом я их потеряла. Там были личинки, и они выедали мне глаза. Это было очень больно.

— Я могу себе представить, — говорит священник. — Так долго без... Ты маг Радости? Она исходит от тебя.

— Так и есть, — говорит Феликс. — Но здесь трудно видеть.

Его брови поднимаются вверх.

— Видеть? Ах, ты используешь ветер, чтобы чувствовать вокруг себя?

Феликс кивает.

— Интересно. Я думаю, Горе может восстановить твои глаза, но есть несколько вещей, которые ты, возможно, захочешь услышать. Во-первых, это будет быстрая, но деликатная операция. Я не думаю, что какой-то неоперившийся маг Горя сможет вам чем-то помочь. Это также будет дорого стоить. Я боюсь, что потребуется опытный маг, и к тому же находящийся в муках Горя.

— Сколько? — спрашиваю я.

Священник смотрит на нас обеих, на его лице появляется печаль.

— Пара золотых, по меньшей мере.

Это неплохо! У меня осталось немного золота и, кроме того, немного серебра. Это может израсходовать часть того, что у меня осталось, но, думаю, оно того стоит.

— Я могу заплатить это, — говорю я.

— Это много, — шепчет Феликс. — Типа, очень, очень много. За несколько золотых можно купить так много.

— И за несколько золотых можно купить тебе глаза, — говорю я. — Это тоже многого стоит.

Я пытаюсь дать понять, что это конец дискуссии. Мне не нужно, чтобы она неохотно принимала то, что по сути является подарком. Я уверена, что Феликс тоже сделала бы многое, чтобы помочь мне.

Феликс улыбается. Это широкая, неуверенная улыбка, и она странным образом затрагивает уголки ее глаз, но это улыбка. Я сажусь рядом с ней и растираю ей спину, прежде чем священник начинает говорить вновь.

— Тогда наш менеджер по работе с клиентами скоро прибудет к вам. Я скоро вернусь, чтобы промыть рану, потом придет маг и попытается все исправить. Ах, но меня прервали. Может возникнуть одно осложнение.

— Осложнение? — переспрашиваю я.

— Да. Прошло много времени с тех пор, как она потеряла зрение. Возможно, на её душе отпечаталась мысль о том, что она слепая. Я сомневаюсь, что она отвергнет новые глаза, но возможно, что даже с новыми глазами её зрение будет менее эффективным. На это также может повлиять магия, которую она культивировала. Меридианы, которые контролируют зрение, могут быть наполнены чакрами ветра.

Я моргаю. Я слышала о таких вещах, но они всегда казались мне очень... эзотерическими и

довольно мистическими. Мама более приземленно относится к мистической стороне магии и самосовершенствования, но она сказала мне, что в этих штуках есть какая-то сила.

— Это плохо?

— Не обязательно. Это может означать зрение, хорошо настроенное на выбранную ею эмоцию, хотя это будет означать и то, что нам нужно будет понаблюдать после завершения процедуры.

Я киваю, и довольно скоро священник выходит из комнаты.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Феликс быстро кивает.

— Да, это... спасибо. — её голос низкий, это почти шёпот. — Я давно мечтала об этом.

Я хватаю её в боковые объятия.

Священник возвращается, и с ним худощавый мужчина с кучей отсутствующих волос и булавкой на лацкане. Почитатель Мортимера. Мама всегда говорила мне доверять им, когда дело доходит до денег. Я отхожу с ним в сторону, и он протягивает мне лист бумаги с маленькой бухгалтерской книгой на нем. Цена и все остальное записано хорошеньким, аккуратным шрифтом.

Я едва обращаю на это внимание, когда выуживаю три золотых и отдаю их. Он кивает, и вскоре мне дают точную сдачу, после чего Счетовод Мортимера уходит.

Феликс находится на лечении у священника, который тщательно протирает ее лицо салфеткой и какой-то жидкостью, пахнущей спиртом. Я думаю, это больно, судя по тому, как Феликс шипит, а её ноги дергаются при каждом прикосновении, но она не сопротивляется. Она храбрее, чем я была бы на её месте.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок, и дверь открывается, впуская трёх человек. Все женщины, причем две из них следуют за третьей. Она старше, в длинных белых одеждах, которые плотно облегают её фигуру, и с тщательно заплетенными волосами.

Воздух вокруг неё поёт от горя, и я не могу не смотреть на слезы, текущие по её щекам. Она сгибается почти пополам и плачет, прижимая руки к груди.

Её спутницы шушукаются и гладят её по спине, обе моложе, в похожих, но менее вычурных одеждах. Они носят вуали, которые закрывают нижнюю часть их лиц, но я все равно могу сказать, что им тоже грустно.

— Ох, о нет, — говорит женщина.

Она направляется к Феликс, которая отскакивает назад, но не раньше, чем женщина хватает её за плечи, а затем кладет руки по бокам головы Феликс.

— Не двигайтесь и не волнуйтесь, — говорит одна из женщин в вуали. — Позвольте жрице сделать свою работу.

Я ёрзаю с краю комнаты, наблюдая, как корчится Феликс. Женщина начинает плакать ещё сильнее, и я чувствую, как из неё вырывается стена печали. Остальные, кажется, совсем не удивлены и не тронуты, но я.. Я не знаю, смогу ли я с этим справиться.

Теплые слезы льются из моих глаз, и я чувствую, как мои руки обнимают меня, но этого недостаточно.

Я хочу к маме.

Феликс кричит, а я ничего не могу для неё сделать. Я просто плачу ещё больше.

— Уведите её из комнаты, — бормочет кто-то.

— Давай, давай, дитя. Было неразумно оставлять тебя так близко.

Я даже не знаю, кто помогает мне выйти из комнаты. Но когда этот кто-то обнимает меня, я обнимаю в ответ. Это немного, но это помогает.

Я могу понять, почему так много моих книг предостерегали от магии Горя. Это ужасно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/75524/2404777>